

Социально-экономическая уязвимость региональных сообществ: опыт социологической интерпретации и измерения

**Юлия Михайловна
ПАСОВЕЦ**

Курский государственный университет
Курск, Российская Федерация

e-mail: yulia_pasovets@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3626-7933; ResearcherID: M-4801-2017

Аннотация. Актуальность исследования социально-экономической уязвимости российских регионов обусловлена необходимостью выявления их внутренних характеристик, свидетельствующих о нерешенных и вновь появляющихся социальных проблемах, ослабляющих возможности их функционирования и продуктивной динамики. В статье поставлена цель уточнить понятие социально-экономической уязвимости регионального сообщества; определить возможности ее социологического измерения на основе сочетания данных объективного и субъективного характера; на примере регионов Центрального Черноземья выявить значимые характеристики уязвимости их социоэкономической сферы в современных условиях. Оригинальность постановки цели и ее достижения связана с трактовкой рассматриваемого феномена через призму ключевых социальных проблем, проявляющихся в объективных характеристиках и субъективных оценках населения, с выдвижением методического подхода к ее социологической диагностике на основе переосмысления эвристических возможностей методического инструментария межрегиональной научной программы, с оценкой важных параметров социально-экономической уязвимости центрально-черноземных регионов. Эмпирическим объектом исследования выступают регионы Центрального Черноземья России – Воронежская, Курская и Липецкая области. Информационную основу исследования составляют данные государственной статистики (Росстата); эмпирическую базу – результаты репрезентативного опроса населения рассматриваемых регионов (N=1200 человек) по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона».

Для цитирования: Пасовец Ю.М. (2023). Социально-экономическая уязвимость региональных сообществ: опыт социологической интерпретации и измерения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 236–253. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.13

For citation: Pasovets Yu.M. (2023). Socio-economic vulnerability of regional communities: Sociological interpretation and assessment. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 236–253. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.13

России». Уточнено понятие социально-экономической уязвимости регионального сообщества, понимаемой как его состояние, обусловленное внутренними характеристиками социоэкономической сферы, концентрирующими в себе социальные проблемы объективно-субъективной природы. Определены возможности ее диагностики на основе сочетания измерения объективных фактов и субъективных оценок по ряду показателей вышеуказанных программы и методики. Выявлены ключевые уязвимости социоэкономической сферы центрально-черноземных регионов в современных условиях: распространенность бедности и высокая степень социально-экономической дифференциации населения в субъективном измерении; нисходящая краткосрочная динамика материального положения значительной доли населения. Полученные результаты расширяют научные представления о социально-экономической уязвимости региональных сообществ и могут использоваться для определения имеющих объективно-субъективную природу социальных проблем регионов и поиска способов их решения.

Ключевые слова: социально-экономическая уязвимость, материальное положение, бедность, социально-экономическая поляризованность, региональное сообщество, российское общество.

Введение

В современных условиях российское общество продолжает сталкиваться с новыми вызовами для своего социально-экономического развития, поиск адекватного ответа на которые во многом связан с выявлением и анализом его уязвимостей как «болевых точек», свидетельствующих о нерешенных и вновь появляющихся социальных проблемах и ослабляющих возможности противостояния угрозам и рискам. В ситуации сохранения существенной региональной дифференциации российского социума (Беляева, 2021; Шабунова и др., 2022; Социокультурная эволюция России..., 2022) особенно актуализируется проблематика социально-экономической уязвимости населения отдельных российских макрорегионов и регионов.

В сфере социальных наук возникновение интереса исследователей к изучению уязвимости социальных общностей и ее социально-экономической составляющей во многом связано с появлением теории устойчивого развития. В процессе развития последней ключевое значение приобретают категории устойчивости и резилиентности, осуществляется их противопоставление уязвимости. По замечанию американского ученого В.Л. Турнер, теория устойчивого развития способствовала концентрации внимания современных исследователей на изучении системы «человек — окружающая среда» и дальнейшее развитие этой теории было связано с исследованием обозначенной системы через призму противопоставления резилиент-

ности и уязвимости как двух ее противоположных потенциальных состояний (Turner, 2010).

Следует отметить, что до настоящего времени в научном сообществе не выработано однозначного понимания соотношения между устойчивостью и резилиентностью, которая трактуется по-разному: и как понятие, тождественное устойчивости (Zeng et al., 2022), и как особая характеристика устойчивости — динамическая устойчивость социальных систем (Смординская, Катуков, 2021), и как самостоятельный феномен — шокоустойчивость (Жихаревич и др., 2020). Оставляя за рамками работы анализ этого соотношения и сосредоточив внимание на обзоре последних исследований социально-экономических аспектов уязвимости, подчеркнем, что, несмотря на неясность интерпретаций устойчивости и резилиентности, в современных социально-экономических исследованиях достаточно четко заявляется об их противоположности уязвимости.

В последнее время противопоставление устойчивости и резилиентности, с одной стороны, и уязвимости, с другой, как двух противоположных состояний или характеристик изучаемых объектов находит применение в исследовании различных социальных систем, функционирование и динамика которых в современном мире осуществляются в условиях усиления разнообразных рисков. Среди новейших разработок в этом предметном поле можно назвать исследования зарубежных и российских авторов, посвященные корпоративной устойчи-

ности – уязвимости бизнеса в период пандемии COVID-19 (Ikram et al., 2020); резилентности – уязвимости регионов под воздействием экономических шоков (Bruneckiene et al., 2019); устойчивости – уязвимости развития сельских территорий в условиях глобальной нестабильности (Вяльшина, 2022) и других аспектов.

Наряду с этим наблюдается повышение интереса к исследованию данной проблематики применительно к социально-территориальному измерению общества. Современные иностранные и отечественные авторы уделяют внимание выявлению проблем и ресурсов устойчивого развития макрорегионов и регионов, провинций и других административно-территориальных образований и социально-территориальных общностей макро- и мезоуровня в рамках национальных обществ (Васильев и др., 2019; Рожковская, Гаркавая, 2022; Ren et al., 2018). Отдельным направлением в этом предметном поле выступает изучение развития городских территорий: городов, городских районов и агломераций – через призму их устойчивости или резилентности, с одной стороны, и уязвимости, с другой (Spiliotopoulou, Roseland, 2020; Zeng et al., 2022). Вместе с тем значительно реже эта проблематика разрабатывается применительно к сельским территориям (Вяльшина, 2022; Marsden, 2009).

Анализ последних социально-экономических разработок по этой тематике показывает, что зачастую исследователи используют такое противопоставление как отправную точку в поисках компонентов устойчивости или резилентности изучаемых объектов и их устойчивого развития в современных условиях, уделяя этому значительно больше внимания, чем анализу их уязвимости. В результате наблюдается преобладание индексов для оценки устойчивости и устойчивого развития территорий, их резилентности и недостаток инструментов для оценки их уязвимости. Так, в работах под эгидой Европейской комиссии и ООН предлагается более 20 индексов для такой оценки, среди которых самыми упоминаемыми являются «индекс способности к восстановлению», «индекс экономической резилентности», «индекс социально-экономической резилентности», «индекс распространенной уязвимости», «индекс затрат на устойчивость» (Bruneckiene et al., 2019).

При этом исследователи стремятся сделать оценку устойчивости и резилентности территорий более емкой, комплексной и использовать совокупность показателей, отражающих различные сферы социально-территориальных систем. Венгерские ученые А. Buzási, B.S. Jäger, О. Hortay для диагностики резилентности городов предлагают измерять наряду с показателями состояния окружающей среды и социально-экономические индикаторы (Buzási et al., 2022). Российские исследователи А.А. Шабунова и М.А. Груздева для измерения устойчивости регионов России считают необходимым использовать четыре группы показателей: экономические, социальные, экологические и социокультурные (Шабунова, Груздева, 2016). Американские авторы Р. Van Beunen, F.A. Akiwumi и К. Van Beunen для оценки устойчивости состояния и развития малых островных развивающихся государств применяют около 70 индикаторов, сгруппированных по четырем параметрам устойчивого развития территории: социальному, экономическому, экологическому и климатическому (Van Beunen et al., 2018). Тем самым в новых разработках намечается тенденция к включению социальных и социокультурных показателей в оценку устойчивости территорий.

Вместе с тем в современных исследованиях значительно меньше внимание уделяется разработке проблематики уязвимости территорий и социально-территориальных сообществ. В редких работах предпринимаются попытки раскрыть структуру уязвимости территории и проживающего на ней населения, отдельно выделив ее социально-экономическую компоненту. Так, американские авторы R.A. Johns, В. Dixon и R. Pontes предлагают разграничивать физическую (территориальную) и социально-экономическую уязвимость населения штата в условиях климатических изменений (Johns et al., 2020). При этом социально-экономическая уязвимость территорий и территориальных сообществ в основном рассматривается в контексте изучения неблагоприятного влияния на них стихийных бедствий: наводнений (Tanir et al., 2021), засухи (Sun et al., 2022; Ravichandran et al., 2022), циклонических штормов (Mandal, Dey, 2022), изменения климата (Johns et al., 2020) или ухудшения состояния окружающей

среды, приводящих к экологическим стрессам (Dutta, Chatterjee, 2022).

В ходе анализа современной научной литературы выявлено отсутствие в научном сообществе однозначного понимания сущности и содержания уязвимости и социально-экономической уязвимости (Johns et al., 2020; Mandal, Dey, 2022; Tanir et al., 2021; Sun et al., 2022 и др.). Помимо этого, в ряде работ продолжает использоваться основанная на противопоставлении трактовка уязвимости как состояния, связанного с недостаточным уровнем или отсутствием устойчивости или резилентности. Такая интерпретация оказывается неадекватной современному этапу развития общества, позволяющему обнаруживать в состоянии социальных систем одновременное сосуществование как устойчивых, так и уязвимых характеристик.

Наряду с этим до настоящего момента не дана однозначная трактовка понятия социально-экономической уязвимости применительно к региональным сообществам, не предложена система показателей и индикаторов для ее социологического измерения. Отсутствуют эмпирические исследования по данной проблематике, результаты которых позволяют оценить состояние социально-экономической уязвимости российских регионов как социально-территориальных общностей в современных условиях, не определены возможности для такой диагностики на имеющихся российских материалах.

Необходимость восполнения этих пробелов в социально-экономическом знании обуславливает актуальность настоящей работы и научно-практическую значимость ее результатов.

В статье поставлена цель уточнить понятие социально-экономической уязвимости регионального сообщества; определить возможности ее социологического измерения на основе сочетания данных объективного и субъективного характера; на примере регионов Центрального Черноземья выявить значимые характеристики уязвимости их социоэкономической сферы в современных условиях. Оригинальность постановки цели и ее достижения связана с трактовкой социально-экономической уязвимости региональных сообществ через призму ключевых социальных проблем, проявляющихся в объективных характеристиках и субъективных оцен-

ках населения, с выдвиганием методического подхода к ее диагностике в социологическом исследовании на основе переосмысления эвристических возможностей типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России», с оценкой важных параметров социально-экономической уязвимости центрально-черноземных регионов.

Концептуальные основы исследования

Определяя концептуальные рамки исследования, прежде всего отметим необходимость различать подходы к определению сущности и содержания социально-экономической уязвимости применительно к территориям и социально-территориальным сообществам. Анализ современных зарубежных и отечественных исследований по рассматриваемой проблематике показывает, что зачастую именно различные территории (регионы, районы, муниципальные образования, города, поселения, деревни) становятся объектом анализа сквозь призму их уязвимости к определенным опасным явлениям, в том числе социально-экономической уязвимости. В таких работах социально-экономическая уязвимость определяется посредством как параметров территории, так и характеристик ее населения. Например, американские авторы (S.L. Cutter, L. Barnes, M. Berry и др.) наиболее значимыми для уязвимости штатов к стихийным бедствиям считают такие характеристики территории, как неравенство в экономическом развитии, темпах роста; доступность ресурсов для населения; характеристики застроенной среды и ее техническое обслуживание; а среди характеристик населения – доход, уровень образования, этническую принадлежность, занятость, жилье, здравоохранение (Cutter et al., 2008). Отечественными авторами в ходе исследования регионов и муниципальных образований Российской Арктики социально-экономическая уязвимость муниципальной территории рассматривается как сочетание ее восприимчивости к изменениям (понимаемой через социальную незащищенность населения и опасные жилищные условия), недостаточности ликвидационных способностей (зависящих от системы здравоохранения и социальных связей) и адаптивных способностей (выражающихся в уровне образования населения, материальных

ресурсах домохозяйств, инвестициях, экономическом потенциале территории) и оценивается как уровень потерь в результате опасного воздействия (Бабурин и др., 2016). В большинстве подобных исследований эмпирическая оценка социально-экономической уязвимости различных территорий осуществляется с помощью набора соответствующих показателей, отраженных в официальной статистике стран и их регионов.

Вместе с тем концептуализация проблематики социально-экономической уязвимости применительно к региональным сообществам обуславливает целесообразность интерпретировать рассматриваемый феномен на основе характеристик населения. В этом плане вызывают исследовательский интерес подходы к выделению показателей и индикаторов, разработанных предшествующими авторами для измерения социально-экономической уязвимости населения определенной территории как социально-территориального сообщества (табл. 1).

Обращает на себя внимание то, что в современных трактовках социально-экономическая уязвимость населения или территориального сообщества зачастую понимается как многомерный сложный феномен и характеризуется посредством различных показателей экономического и социального положения населения: низкого уровня доходов и бедности населения, отсутствия страховки и социальных выплат, ограниченных материальных ресурсов домохозяйств, дефицита имущества, низкого качества жилья и его аренды и близких к ним индикаторов, а также определенных социально-демографических характеристик (женского пола, детского и пожилого возраста, инвалидности и др.), низкого уровня образования, грамотности. Лишь в единичных работах встречается редукция социально-экономической уязвимости населения к определенному социальному явлению — отсутствию доступа к финансовым услугам, взаимосвязанному с низкой финансовой грамотностью людей (Kandari et al., 2021).

Таблица 1. Подходы к определению показателей и индикаторов социально-экономической уязвимости территориального сообщества / населения территории

Авторы	Показатели и индикаторы
M.P. Kelly, N.W. Adger (Kelly, Adger, 2000)	1. Бедность, связанная с маргинализацией 2. Неравенство, обуславливающее степень коллективной ответственности, неформальное и формальное страхование и лежащую в их основе функцию социального обеспечения 3. Институциональная адаптация, связанная с архитектурой социальных прав, институтами как каналами коллективного восприятия уязвимости, эндогенными институтами, которые ограничивают или обеспечивают адаптацию
C.T. Emrich (Emrich, 2005)	1. Бедность 2. Арендное жилье 3. Отсутствие страхования от наводнений 4. Финансовая неспособность подготовиться к наводнениям
L. Rygel, D. O'Sullivan, B. Yarnal (Rygel et al., 2006)	1. Бедность как ключевая характеристика, взаимосвязанная с остальными ее компонентами 2. Пол (женщины) 3. Раса и этническая принадлежность 4. Возраст (дети и пожилые люди) 5. Инвалидность
K. Arthurson, S. Baum (Arthurson, Baum, 2015)	Дефицит материальных и финансовых ресурсов: – недостаточная поддержка семьи, – социальная изоляция, – плохое состояние здоровья и инвалидность, – отсутствие дома или проживание в небезопасном или неадекватном жилье, – низкий уровень образования, – неспособность найти работу
R.A. Johns, B. Dixon, R. Pontes (Johns et al., 2020)	1. Низкий доход на душу населения 2. Доля лиц, живущих за чертой бедности 3. Статус безработного 4. Этническая принадлежность (афроамериканцы, индейцы, азиаты и испаноязычные) 5. Принадлежность к возрастным группам менее 5 лет, от 5 до 14 лет и старше 65 лет 6. Низкий уровень образования

Окончание таблицы 1

Авторы	Показатели и индикаторы
P. Kandari, U. Bahuguna, A.K. Salgotra (Kandari et al., 2021)	Низкая финансовая доступность: – отсутствие банковских счетов, – неиспользование мобильного банкинга, – неиспользование кредитной линии
T. Tanir, S.J. Sumi, A.D.S. Lima, A.G. de Coelho, S. Uzun, F. Cassalho, C.M. Ferreira (Tanir et al., 2021)	Совокупность показателей социальной уязвимости (SoVI)* и подверженности опасности из 41 переменной, из которых 23 переменные (более половины) отражают материальное положение населения, связанное с уровнем доходов, потребления и дифференциацией по уровню доходов: 1. Низкий доход на душу населения 2. Доля безработных 3. Доля населения, живущего за чертой бедности 4. Доля домохозяйств, находящихся за чертой бедности 5. Доля нетрудоспособного населения, живущего за чертой бедности 6. Доля жилья без транспортного средства 7. Доля населения, заработавшего менее 35 тысяч долларов за последние 12 месяцев 8. Доля населения, заработавшего менее 40 тысяч долларов за последние 12 месяцев 9. Доля населения, не имеющего заработка 10. Низкий средний доход домохозяйства 11. Низкий совокупный доход 12. Доля населения, не имеющего медицинской страховки 13. Доля населения, получающего помощь по продовольственным талонам 14. Доля вакантного жилья 15. Доля передвижного (мобильного) жилья 16. Доля арендуемого жилья 17. Низкая медианная стоимость жилья 18. Низкая средняя стоимость жилья 19. Медианная валовая арендная плата 20. Средняя арендная плата за наличный расчет 21. Процентное отношение доходов населения к уровню бедности менее 1,0 22. Индекс Джини 23. Доля населения, не имеющего дохода по социальному страхованию
M.U. Niaz (Niaz, 2022)	Противоположность социально-экономическому росту населения: 1. Отсутствие устойчивых источников средств к существованию (роста уровня доходов на душу населения; улучшения статуса собственности на жилье, кровельного материала дома, общего состояния дома; увеличения числа детей, посещающих школу; роста активов домохозяйства; роста потребления топлива для приготовления пищи; улучшения качества питьевой воды; увеличения расходов на медицинское обслуживание и одежду) 2. Отсутствие повышения уровня жизни населения (негативные самооценки изменения стандартов жизни) 3. Сохранение многомерной бедности: – уровень жизни (отсутствие электричества в доме, безопасной питьевой воды, плохие санитарные условия, используемые материал пола и топливо для приготовления пищи, отсутствие телевизора, телефона, холодильника или т. п., в т. ч. автомобиля или трактора); – здоровье (детская смертность, неполноценное питание); – образование (отсутствие базового образования (6 лет обучения), непосещение школы детьми школьного возраста) 4. Отсутствие социального развития (нет самооценки повышения воспринимаемого социального статуса)
*Концепция и индекс социальной уязвимости (SoVI) населения разработаны коллективом The Hazards Vulnerability & Resilience Institute (США) для оценки уязвимости территорий к экологическим опасностям на основе 29 социально-экономических переменных (до 2010 года 32 переменных), сгруппированных в 2019 году в 7 значимых компонент: низкий уровень материального благосостояния; раса (афроамериканцы) и социальный статус; зависимость от возраста (пожилые люди); испаноязычная этническая принадлежность; особые потребности (отсутствие медицинской страховки); раса (индейское население); занятость в сфере услуг (Derakhshan et al., 2022; Blackwood, Cutter, 2023). Источник: составлено автором на основе анализа научной литературы.	

В большинстве подходов в качестве значимых показателей социально-экономической уязвимости населения рассматриваются низкий уровень доходов и связанная с ним бедность людей, обосновывается необходимость оценки их распространенности в сообществе. В ряде случаев они дополняются показателями безработицы, отсутствия заработка или социальных выплат, что имеет значение в контексте формирования доходов населения и, соответственно, его социально-экономического статуса. Некоторые авторы отмечают существенный вклад социально-экономического расслоения сообщества в его социально-экономическую уязвимость и считают неравенство населения одним из значимых показателей такой уязвимости, предлагают использовать для его диагностики как восприятие и оценку своего социального статуса (Kelly, Adger, 2000; Niaz, 2022), так и индекс Джини (Tanir et al., 2021).

На основании предшествующего опыта можно полагать, что содержание социально-экономической уязвимости территориального сообщества связано в основном с характеристиками материального положения (уровня доходов и потребления) и социально-экономической дифференциации населения (бедностью и неравенством), однако не исчерпывается ими и может быть дополнено другими составляющими. При этом ее измерение и оценка могут осуществляться как на основе нескольких взаимосвязанных переменных, так и посредством расширенного их набора, а также с использованием статистических данных и результатов опросов (субъективных оценок). Вместе с тем в каждом исследовании необходимы выбор и обоснование адекватных изучаемому сообществу трактовки социально-экономической уязвимости и ее показателей, поскольку прямое заимствование предшествующих подходов не всегда приемлемо из-за социокультурной специфики территории и ее населения, в частности к условиям российского общества и социально-территориальной организации.

В этом контексте следует обратить внимание на акцентируемую в последних работах значимость проблематики бедности и социально-экономической дифференциации населения в российском обществе и его регионах. В современных социально-экономических исследованиях сохранение масштабов бедности и уси-

ление дифференциации населения по доходам получают трактовку как ключевые угрозы национальной или экономической безопасности России, ее стабильному социально-экономическому развитию (Старовойтов, Старовойтов, 2020; Лев, 2021; Ильин, Морев, 2022). В некоторых из них бедность и малообеспеченность, связанные с дефицитом или ограниченностью материальных ресурсов, рассматриваются не только как характеристики социальной стратификации российского социума и региональных сообществ, но и как показатели социальной и социально-экономической уязвимости населения (Алексеев, Михалев, 2020; Горшков, 2020; Соболева, Соболев, 2021).

С учетом вышеизложенного в рамках нашего исследования считаем важным уточнить понятие социально-экономической уязвимости применительно к региональным сообществам. В данной работе предлагаем понимать социально-экономическую уязвимость как состояние регионального сообщества, обусловленное внутренними характеристиками его социоэкономической сферы, концентрирующими в себе социальные проблемы, которые проявляются в объективных статусных показателях и их субъективной интерпретации людьми. Эти проблемы определяют слабые стороны функционирования и динамики социально-территориальной общности.

При этом в социологическом дискурсе значимым уточнением становится принадлежность социально-экономической уязвимости не региону как административно-территориальной единице, а региональному сообществу как социально-территориальной общности, объединяющей проживающее на его территории население и характеризующейся в социоэкономической сфере наличием разнообразных социальных структур. Последние обуславливаются материальной дифференциацией и социальным неравенством внутри сообщества, сформированными различными критериями, а также идентификацией населения с определенными имущественными и социальными слоями.

Признавая многомерность социально-экономической уязвимости регионального сообщества, на основании переосмысления предшествующего опыта трактовки ее содержания и показателей (см. табл. 1) и значимости проб-

лематики бедности и неравенства населения для российских регионов, считаем возможным выделить три ее ключевых составляющих, которые проявляют слабые, проблемные характеристики социоэкономической сферы региона:

- 1) распространенность бедности внутри социально-территориальной общности;
- 2) высокая степень социально-экономической дифференциации населения региона;
- 3) нисходящая по сравнению с предыдущим годом динамика материального положения значительной части населения.

В современных исследованиях оценка социально-экономической уязвимости территориальных сообществ осуществляется на основе статистических данных по показателям, по которым ведется планомерный статистический учет и обработка которых допускает применение индексного метода оценки (Bruneckiene et al., 2019; Tanir et al., 2021; Kireyeva et al., 2022). Это определяет измерение лишь одной грани социально-экономической уязвимости, представленной объективными статусными характеристиками групп населения в рамках социально-территориальных общностей. Вместе с тем вторая грань рассматриваемого феномена, проявляющаяся в субъективных оценках населением своего статусного положения в социоэкономической сфере и сконструированных на основе социально-экономической самоидентификации людей структурах (Пасовец, 2019), зачастую остается вне внимания исследователей и, соответственно, за рамками такой оценки.

Лишь в единичных исследованиях социально-экономической уязвимости региональных и локальных сообществ посредством социологических опросов населения измеряются субъективные оценки этого феномена. В таких разработках в рамках комбинированной методологии исследования опросные методы применяются в сочетании с другими методами сбора данных: наблюдением и анализом статистических данных. Как показывает опыт оценки уязвимости районов внутри одного из индийских штатов, осуществленный К. Mandal и Р. Deу, применение анкетирования позволяет реализовать ранжирование респондентами совокупности параметров их социально-экономической уязвимости, что дополняет индексную оценку изучаемого феномена, выполненную на основе статистических данных (Mandal, Deу, 2022).

В другом исследовании индийских авторов (Balasubramani et al., 2021) доказывается необходимость сочетания данных официальной статистики (переписи населения и домохозяйств) с результатами опросов общественного мнения, чтобы в итоге получить более обоснованную оценку социально-экономической уязвимости населения на микроуровне территориальной организации (деревень, сел и районов внутри штата). В этом случае данные опроса населения позволяют выявить восприятие людьми своих социально-экономических условий как уязвимых перед воздействием стихийных бедствий и построить субъективную матрицу вероятности такого риска (Balasubramani et al., 2021, p. 606–607).

С учетом этого методический подход, базирующийся на сочетании статистических и опросных данных по относительно сопоставимым друг с другом показателям, является перспективным для характеристики социально-экономической уязвимости региональных сообществ. В рамках каждой из трех выделенных нами составляющих этого феномена целесообразно фиксировать показатели, имеющие разную природу: объективные индикаторы, полученные на основе данных государственной статистики, и субъективные показатели, измеряемые посредством результатов социологических опросов. В таком случае становится достижимым сочетание данных в объективном и субъективном измерении по каждому из параметров социально-экономической уязвимости населения.

Методика и материалы исследования

Теоретическую основу работы составляют выдвинутые Н.И. Лапиным и развитые его последователями в исследованиях социокультурной эволюции российских регионов концептуальные представления о регионе как социально-территориальном и социокультурном сообществе, а также о представленности регионального сообщества тремя сферами: антропо-культурной, социоэкономической, институционно-регулятивной¹. При концептуализации понятия социально-экономической

¹ Лапин Н.И., Беляева Л.А. (2010). Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН. С. 12.

уязвимости сообщества происходит обращение к идее социоэкономической сферы региона, ее характеристикам, связанным с материальным положением и социально-экономической дифференциацией населения, проявляющим слабые стороны регионального сообщества. При определении конкретных показателей для оценки социально-экономической уязвимости социально-территориальных общностей используются диагностические возможности и индикаторы типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России»².

В качестве отдельных показателей социально-экономической уязвимости региональных сообществ в данной работе предлагается использовать:

– показатели государственной статистики:

- 1) доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (ВПП), в %;
- 2) коэффициент Джини;
- 3) реальные денежные доходы, в % к предыдущему году;

– показатели опроса населения:

- 4) доля субъективно «бедных», в %;
- 5) коэффициент социально-экономической поляризованности сообщества;
- 6) доля тех, кто стал жить хуже по сравнению с прошлым годом, в %.

Если показатели государственной статистики являются унифицированными для российской статистической системы и их толкование дается в методических рекомендациях в соответствующих статистических изданиях, то использование обозначенных показателей опроса населения из типовой методики «Социокультурный портрет региона России» требует пояснения.

В субъективном измерении понимание бедности и социально-экономической поляризованности сообщества выстраивается на основе идеи социально-экономической идентификации населения (Пасовец, 2019), измеряемой в опросе посредством самоидентификации респондента с определенным социально-экономическим слоем по уровню своего потребления. С этой целью применяется стратификационная

шкала, предложенная Л.А. Беляевой для оценки материального статуса индивида по уровню потребления («нищие», «бедные», «необеспеченные», «обеспеченные», «зажиточные», «богатые») и включенная в качестве одного из показателей в типовую методику «Социокультурный портрет региона России»³.

Доля субъективно «бедных» измеряется в процентах от общего числа опрошенных и суммирует доли двух низших социально-экономических страт – «нищих» и «бедных». Субъективная бедность может быть сопоставлена с объективной бедностью, граница которой фиксируется официальной статистикой в России на основе доли населения с денежными доходами ниже ВПП.

Принятая для коэффициента социально-экономической поляризованности сообщества методика расчета была предложена и апробирована нами в предшествующих работах на примере коэффициента общей поляризованности общественного мнения (Пасовец, 2011). В настоящей работе он применяется для выявления характера соотношения между общей долей низших страт («нищие», «бедные», «необеспеченные») и общей долей средних и высшей страт («обеспеченные», «зажиточные», «богатые»), трактуется как показатель, противоположный коэффициенту социально-экономической однородности общности.

Коэффициент социально-экономической однородности общности рассчитывается как модуль разности между долями низших страт, с одной стороны, и средних и высших страт, с другой, к общему числу опрошенных:

$$E = | (H - CB) : 100\% |,$$

где H – общая доля низших страт (%);

CB – общая доля средних и высшей страт (%),

и имеет интервал измерения от 0 (максимальное противостояние) до 1 (максимальное единство).

В свою очередь коэффициент социально-экономической поляризованности сообщества вычисляется по формуле:

$$СЭП = 1 - E$$

и измеряется в интервале от 0 (минимальная степень дифференциации) до 1 (максимальная степень дифференциации, которая характери-

² Лапин Н.И., Беляева Л.А. (2010). Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН. С. 17–19.

³ Там же. С. 31.

зуется как поляризованность). С определенной долей условности такой интервал измерения этого коэффициента позволяет представить (большую или меньшую) степень социально-экономической дифференциации сообщества в субъективном измерении, исходя из восприятия, оценки и идентификации людей с определенной имущественной стратой, в то время как коэффициент Джини дает представление о степени дифференциации населения по доходам в объективном измерении.

Доля тех, кто стал жить хуже по сравнению с прошлым годом, также представлена в процентном выражении по отношению ко всем опрошенным. Она объединяет доли респондентов, которые отметили в большей или меньшей степени ухудшение своей жизни по сравнению с прошедшим годом. Несмотря на ограниченность прямого сопоставления такой оценки с изменением размера реальных денежных доходов населения, сочетание этих показателей позволяет оценить динамику материального положения населения по сравнению с истекшим годом с разных сторон — исходя из объективных изменений и их восприятия людьми.

Объектом исследования стали регионы Центрального Черноземья как одного из макрорегионов России: Воронежская, Курская и Липецкая области.

Информационную базу исследования образуют данные государственной статистики (Росстата)⁴. Эмпирическая база исследования представлена результатами массового опроса населения, проведенного нами в сентябре — октябре 2020 года в Воронежской, Курской и Липецкой областях (N = 1200 человек) на основе равномерного размещения выборки (в каждом из регионов опрошено по 400 человек) и типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России» (модификация — 2015 г.)⁵. Выборочная совокупность исследования в достаточной степени репрезентирует генеральную по каждому из рассматриваемых регионов, ошибка выборки по одному

контролируемому признаку не превышает 3%. Опросы осуществлялись среди взрослого населения (от 18 лет и старше) регионов методом полустандартизированного (полустандартизированного) интервью.

Также применялись общенаучные методы исследования и комплекс аналитических процедур, в том числе в процессе анализа эмпирических данных: методы описательной статистики, анализ статистических данных, вторичный анализ данных, сравнительный анализ.

Анализ эмпирических данных

Оценка распространенности бедности в регионах Центрального Черноземья на основе удельного веса населения с доходами ниже ВПМ в общей структуре населения показывает, что ее масштаб не превышает десятой части региональных сообществ и несколько дифференцирован по конкретным регионам. Если в Курской области доля абсолютной бедности достигает 10%, то в Воронежской и Липецкой областях она ниже — 8,5 и 8,4% соответственно. Вместе с тем измерение бедности через призму самоидентификации с социально-экономическими стратами по уровню потребления выявляет значительную распространенность в центрально-черноземных регионах так называемой «субъективной бедности», охватывающей тех жителей, кто считает себя представителями низших имущественных слоев. Масштаб последней значителен: в Воронежской области доля «субъективно бедных» включает около пятой части населения, в Курской области — четвертую часть, в Липецкой области — треть населения. Величина «субъективной бедности» превышает размер бедности в абсолютном измерении в 2,3, 2,5 и 3,9 раза соответственно по регионам (табл. 2).

Оценка уровня социально-экономического расслоения населения центрально-черноземных областей посредством значений коэффициента Джини выявляет невысокую степень такой дифференциации в региональных сообществах, если учитывать диапазон измерения используемого коэффициента от 0 (минимум) до 1 (максимум). В Курской и Липецкой областях дифференциация денежных доходов населения оказывается несколько меньшей (0,362 и 0,378), чем в Воронежской области (0,393). По сравнению со значением данного показателя

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022.

⁵ Социологический опрос проведен в рамках научного проекта РФФИ № 18-011-00739.

Таблица 2. Показатели социально-экономической уязвимости населения регионов Центрального Черноземья

Регион	Объективные показатели	Субъективные показатели
	Доля населения с доходами ниже ВПМ, %	Доля «субъективно бедных» («нищих» и «бедных»), %
Воронежская область	8,5	19,8
Курская область	9,9	25,3
Липецкая область	8,4	32,5
	Коэффициент Джини (дифференциация денежных доходов населения)	Коэффициент социально-экономической поляризованности сообщества
Воронежская область	0,393	0,73
Курская область	0,362	0,98
Липецкая область	0,378	0,97
	Реальные денежные доходы, % к предыдущему году	Доля тех, кто стал жить хуже по сравнению с прошлым годом, %
Воронежская область	95,5	27,1
Курская область	97,8	23,6
Липецкая область	95,7	34,3

Составлено по: для объективных показателей значения на 2020 г. – Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 192, 240; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 232; для субъективных показателей значения на 2020 г. – результаты опроса населения регионов Центрального Черноземья по типовой методике «Социокультурный портрет региона России».

для России в целом (0,406)⁶ его значения для центрально-черноземных регионов несколько ниже, хотя находятся в пределах среднего уровня дифференциации, что позволяет говорить о меньшей степени такого расслоения в этих регионах, чем в российском социуме в целом.

Коэффициент социально-экономической поляризованности сообщества, предложенный как способ измерения степени дифференциации региональных сообществ на основе субъективных оценок, раскрывает высокий уровень социально-экономического расслоения населения в регионах Центрального Черноземья. Если в Воронежской области степень субъективной социально-экономической поляризованности сообщества находится на уровне выше среднего (0,73), то в Курской и Липецкой областях она приближается к максимальной (0,98 и 0,97 соответственно).

В Воронежском регионе такой контраст, менее выраженный по сравнению с другими областями, обусловлен меньшей долей низших имущественных страт («нищих» 7,0% от всех опрошенных в регионе, «бедных» 12,8%, «необеспеченных» 16,8%, в совокупности состав-

ляющих 36,5%) относительно удельного веса средних и высшей страт («обеспеченных» 40,5%, «зажиточных» 18,3%, «богатых» 4,8%, в их совокупности – 63,5%) в структуре населения. В Курской и Липецкой областях более высокий уровень социально-экономической дифференциации населения в субъективном измерении определяется примерно равным соотношением между низшими стратами, с одной стороны, и средними и высшим слоями, с другой. Так, в Курском регионе доля всех низших групп («нищих» 6,3%, «бедных» 19,0%, «необеспеченных» 24,0%) составляет 49,2% от всего населения, в то время как общая доля средних и высшего слоев («обеспеченных» 30,0%, «зажиточных» 16,5%, «богатых» 4,3%) – 50,8%. В Липецкой области это соотношение представлено 51,5%, которые составляют общую долю низших слоев («нищих» 10,5%, «бедных» 22,0%, «необеспеченных» 19,0%), и 48,5%, включающих средние и высший слой («обеспеченных» 31,0%, «зажиточных» 13,5%, «богатых» 4,0%).

Изменение материального положения населения регионов Центрального Черноземья относительно прошедшего года характеризуется сокращением реальных денежных доходов, показатель которых оказывается ниже, чем за предшествующий год – 95,5–97,8% по отдель-

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 232.

ным регионам. Наряду с этим среди жителей областей макрорегиона существенная доля тех, кто в большей или меньшей степени отмечает ухудшение своей жизни, сравнивая ее с прошлым годом. Если в Воронежской и Курской областях эта категория составляет примерно четвертую часть населения (27,1 и 23,6% соответственно), то в Липецкой области она достигает трети жителей (34,3%).

Обсуждение результатов исследования

В силу многогранности социально-экономической уязвимости населения ее интерпретация и методический подход для ее измерения и оценки, предложенные в данной работе, оставляют место для дискуссии и дальнейших научных поисков в трактовке ее содержания и определении эмпирических индикаторов. Предшествующие работы по близкой проблематике также отражают попытки ряда исследователей дать столь сложному феномену адекватную дефиницию и найти подходы и индикаторы для диагностики. На наш взгляд, сложность поставленной задачи и наблюдающаяся вариативность ее решений во многом обусловлены как неоднозначностью понимания самой уязвимости как феномена, так и множественностью его проявления в социоэкономической сфере регионального сообщества.

С одной стороны, сама уязвимость может пониматься по-разному: как недостатки, слабые места какой-либо системы, или ее незащищенность, неспособность выдержать негативное воздействие, чувствительность, восприимчивость к нему, или степень потерь, убытков, ущерба, или способность ослабить систему и т. п. В предложенной нами трактовке социально-экономическая уязвимость понимается как слабость внутренних характеристик регионального сообщества, обусловленная социальными проблемами, имеющими объективно-субъективную природу (во взаимосвязи объективных статусных показателей и их субъективной интерпретации людьми), в социоэкономической сфере региона. Такая интерпретация социально-экономической уязвимости позволяет рассматривать ее как относительно самостоятельный от устойчивости и резилиентности феномен. В то же время понимание этой уязвимости через призму слабых, проблемных сторон ре-

гионального сообщества не отрицает (а даже позволяет конкретизировать) развиваемый в последнее время подход – преодоление уязвимости как условие достижения устойчивости (Niaz, 2022; Вяльшина, 2022) и резилиентности (Сморозинская, Катуков, 2021). В данной трактовке нивелирование уязвимости оказывается непосредственно связано со снижением остроты и решением социальных проблем, возникших по объективным основаниям и имеющих субъективную оценку.

С другой стороны, вероятность уязвимости каждого из многочисленных компонентов социоэкономической сферы регионального сообщества обуславливает ограничения для ее исчерпывающей диагностики в рамках конкретного исследования и, соответственно, необходимость выбора определенного набора индикаторов для ее измерения и оценки.

Многомерность социально-экономической уязвимости регионального сообщества допускает выявление различных ее компонентов в социоэкономической сфере региона, что может стать предметом дальнейших исследований. Однако в данной работе фокус исследования был сосредоточен на внутренних характеристиках региона, связанных с материальным положением и социально-экономической дифференциацией населения, поскольку они наиболее ярко проявляют проблемы через призму объективных показателей и субъективных оценок.

Наряду с этим для эмпирической оценки социально-экономической уязвимости регионов Центрального Черноземья нами были выбраны показатели, характеризующие проблемы как состояния социоэкономической сферы регионального сообщества (распространенность бедности, социально-экономическая дифференциация населения), так и ее динамики (нисходящая по сравнению с предыдущим годом динамика материального положения значительной части населения). Включение последнего индикатора в систему показателей, на наш взгляд, позволяет использовать идею венгерских исследователей о связи уязвимости с изменчивостью (Buzási et al., 2022) и эмпирически подтвердить ее выводами на примере рассмотренных регионов Центрального Черноземья России.

Вместе с тем предпринятая здесь попытка уточнения сущности социально-экономической уязвимости регионального сообщества, установления диагностических возможностей типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России» для ее эмпирического измерения представляются необходимыми шагами в процессе поиска концептуальной рамки для новых интерпретаций эмпирического материала и переосмысления опыта, накопленного за многолетние исследования по межрегиональной научной программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (Социокультурная эволюция России..., 2022).

Как показывают результаты проведенных нами и другими авторами исследований, к числу наиболее значимых проблем, определяющих социально-экономическую уязвимость населения, относится значительная распространенность «субъективной бедности» и высокая субъективная социально-экономическая поляризованность сообществ. Так, проведя анализ эмпирических данных по восприятию неравенства доходов россиянами, Г.В. Белехова отмечает, что основная часть из них считают это неравенство глубоким, несправедливым, несущим в себе конфликт и социальную неприязнь между крайними группами (Белехова, 2023).

Наряду с этим предшествующие общероссийские и региональные исследования, в том числе реализованные на основе типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России», выявляют сохранение в оценке бедности и социально-экономической дифференциации населения значительного разрыва между объективными статусными характеристиками, фиксируемыми данными государственной статистики, и их субъективными оценками людьми (Лапин и др., 2009; Слободенюк, 2019; Социокультурная эволюция России..., 2022). Относительная устойчивость такого разрыва на протяжении длительного времени заставляет искать его причины не только в пандемическом кризисе, начавшемся в 2020 году и негативным образом повлиявшем на уровень доходов и материальное положение населения, а связывать его с механизмом формирования субъективной оценки людьми своего социально-экономического статуса и его изменений.

Формирование таких субъективных оценок осуществляется посредством восприятия, интерпретации и идентификации с определенным статусом в социально-экономической иерархии сообщества. В этом процессе происходит оценивание своего статуса и имеющихся возможностей в сопоставлении с личными представлениями о достаточном и желаемом уровне доходов и потребления, приемлемом для себя стандарте жизни, собственных и семейных материальных ресурсах и др. В силу этого несоответствие между реальным и желаемым социально-экономическим статусом может выступать ключевой причиной самоидентификации людей с более низкими имущественными стратами, что приводит к значимому разрыву между объективной и субъективной картиной бедности и социально-экономической дифференциации населения.

В этом плане также необходимо учитывать существенную роль немонетарных факторов, влияющих на восприятие и субъективную оценку своего социально-экономического положения как в определенный момент, так и в краткосрочной динамике. Как отмечает Е.Д. Слободенюк на примере анализа причин глубокой бедности среди россиян, размежевание групп «объективной» и «субъективной» бедности происходит под воздействием разных факторов. Если в первом случае ключевую роль играют высокая иждивенческая нагрузка и проблемы с занятостью, то во втором – проблемы со здоровьем и доступностью медицинской помощи, трудности в семье и повседневной жизни, низкий уровень образования, precarious характер занятости (Слободенюк, 2019).

Наблюдающаяся устойчивость такого разрыва во многом объясняется появлением новых стандартов жизни и, соответственно, изменением запросов населения, а также сохранением социально-экономических проблем. По мнению В.Д. Миловидова, в современном обществе, отличающемся открытостью и усилением глобализации, постоянно продуцируются новые критерии и стандарты жизни, в то же время возможности людей обеспечить и улучшить свою жизнь и соответствовать этим стандартам ограничены (Миловидов, 2021, с. 71).

Заключение

Подводя итог, можно кратко представить полученные в ходе работы результаты. Во-первых, уточнено понятие социально-экономической уязвимости регионального сообщества, трактуемой как его состояние, обусловленное внутренними характеристиками социоэкономической сферы, концентрирующими в себе социальные проблемы, которые проявляются в объективных статусных показателях и их субъективной интерпретации людьми. Во-вторых, предложен методический подход к социологической диагностике одного из ключевых аспектов социально-экономической уязвимости социально-территориальной общности, связанного с материальным положением и социально-экономической дифференциацией населения, базирующийся на сопоставлении статистических и опросных данных, определении ряда показателей типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России», разработке коэффициента социально-экономической поляризованности сообщества. В-третьих, выбранные для оценки социально-экономической уязвимости региональных сообществ показатели позволили выявить ключевые «болевы́е точки» социоэкономической сферы центрально-черноземных регионов в современных условиях:

— значительную распространенность бедности в субъективном измерении, связанную с самоидентификацией жителей с низшими социально-экономическими стратами, и ее заметное превышение (в два и более раза в отдельных областях) над масштабами бедности в объективном измерении, заданном долей населения с доходами ниже ВПМ;

— высокую степень социально-экономической дифференциации населения в субъективном измерении, обусловленную контрастным соотношением между низшими стратами, с одной стороны, и средними и высшим слоями, с другой, выделенными на основе социально-экономической идентификации жителей, и ее большей величиной (в 2 и более раза) по сравнению со степенью дифференциации денежных доходов населения, оцененной посредством коэффициента Джини;

— сокращение реальных денежных доходов населения по отношению к предыдущему году и существенную распространенность среди населения мнения об ухудшении жизни по сравнению с прошлым годом (от четвертой до третьей части жителей в отдельных регионах), что свидетельствует об отражении в общественном мнении нисходящей в краткосрочном периоде динамики материального положения достаточно массовой доли населения.

Научная значимость полученных результатов связана с развитием научных представлений о социально-экономической уязвимости регионального сообщества как многоаспектном и имеющем латентную природу феномене, измерение и оценка которого требуют его концептуализации и построения системы эмпирических показателей. В этом плане результаты проведенного исследования имеют значение для расширения знаний в области экономической социологии, теории социальной структуры и стратификации, региональной социологии.

Предложенные интерпретация социально-экономической уязвимости сообществ и совокупность ее диагностических показателей могут быть скорректированы с учетом последующего уточнения содержания изучаемого явления в условиях новых вызовов и расширения возможностей для его более развернутой характеристики, что определяет основные направления дальнейшего изучения этой тематики. Также они могут быть использованы и развиты в последующих исследованиях близкой проблематики на материалах других российских регионов.

Практическая значимость результатов проведенного исследования заключается в возможностях их применения для определения социальных проблем регионов, проявляющихся в конструировании в общественном сознании значимых социально-экономических контрастов, социально-экономической поляризации региональных сообществ в субъективном измерении, и поиска эффективных решений этих проблем с учетом их объективно-субъективной природы.

Литература

- Алексеенок А.А., Михалев И.В. (2020). Социально-экономическое положение бедных слоев населения в условиях трансформации социальной структуры современного российского общества // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 15. № 4. С. 29–45. DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-4-29-45
- Бабурин В.Л., Бадина С.В., Горячко М.Д. [и др.] (2016). Оценка уязвимости социально-экономического развития арктической территории России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 6. С. 71–77.
- Белехова Г.В. (2023). Масштабы неравенства и особенности его восприятия в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 164–185. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.9
- Беляева Л.А. (2021). Цивилизационная гетерогенность России. Собственность в поле цивилизационного развития // Вестник Института социологии. Т. 12. № 3. С. 27–53. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.736
- Васильев Ю.С., Диденко Н.И., Черенков В.И. (2019). Некоторые проблемы и перспективные драйверы устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 1 (63). С. 4–26. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.1.2019.63.4-26
- Вяльшина А.А. (2022). Изменение приоритетов развития сельских территорий в условиях усиления глобальной нестабильности // Региональные агросистемы: экономика и социология. № 3. С. 91–99.
- Горшков М.К. (2020). Российское общество в социологическом измерении // Вестник Российской академии наук. Т. 90. № 3. С. 232–242. DOI: 10.31857/S0869587320030068
- Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г. (2020). Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. № 3. С. 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-3-1
- Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Бедность в стране – «угроза для стабильного развития и демографического будущего» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 1. С. 9–33. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.1
- Лев М.Ю. (2021). Бедность и прожиточный уровень населения в обеспечении социально-экономической безопасности // Экономическая безопасность. Т. 4. № 3. С. 549–570. DOI: 10.18334/ecsec.4.3.112403
- Миловидов В.Д. (2021). Пандемия неравенства: новые измерения социального диспаритета в условиях коронакризиса // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 228. № 2. С. 59–81. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-228-2-59-81
- Пасовец Ю.М. (2019). Социально-экономическая идентификация населения как фактор структуризации городского пространства (на примере городов Курской области) // Primo Aspectu. № 4 (40). С. 7–14. DOI: 10.35211/2500-2635-2019-4-40-7-14
- Пасовец Ю.М. (2011). Качество жизни населения как интегрированный показатель эффективности функционирования региона // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского: Серия Социальные науки. № 1 (21). С. 66–73.
- Лапин Н.И., Беляева Л.А., Когай Е.А. [и др.] (2009). Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; ИФ РАН, Центр изуч. социокультурных изменений, Науч.-координац. совет Секции ФСПП ООН РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». М.: Academia. 807 с.
- Рожковская Е.А., Гаркавая В.Г. (2022). Риски и источники уязвимости устойчивого развития регионов // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. № 7 (301). С. 23–34.
- Слободенюк Е.Д. (2019). Глубокая бедность в России: специфика объективного и субъективного положения и запросы к социальной политике // Социологическая наука и социальная практика. Т. 7. № 4 (28). С. 26–38. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6797
- Сморозинская Н.В., Катуков Д.Д. (2021). Резильентность экономических систем в эпоху глобализации и внезапных шоков // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 5. С. 93–115. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_93_115
- Соболева И.В., Соболев Э.Н. (2021). Доходы населения в условиях пандемии: сдвиг уязвимых зон и механизмы защиты // Экономическая безопасность. Т. 4. № 3. С. 531–548. DOI: 10.18334/ecsec.4.3.112448

- Социокультурная эволюция России: 30 лет исследований (2022) / под общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой, А.А. Шабуновой; ФГБУН ВолНЦ РАН. М.: Весь Мир. 190 с.
- Старовойтов В.Г., Старовойтов Н.В. (2020). Современные тенденции динамики имущественного неравенства, бедности, безработицы как источников угроз экономической и национальной безопасности России // Развитие и безопасность. № 3 (7). С. 105–114. DOI: 10.46960/2713-2633_2020_3_105
- Шабунова А.А., Груздева М.А. (2016). Развитие регионов Российской Федерации: интегральная методика как инструмент оценки // Региональная экономика: теория и практика. № 1 (424). С. 100–112.
- Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В. [и др.] (2022). Социальное развитие территорий: актуальные тренды и новые вызовы / Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук. 295 с.
- Arthurson K., Baum S. (2015). Making space for inclusion in conceptualizing climate change vulnerability. *Local Environment*, 20(1), 1–17. DOI: 10.1080/13549839.2013.818951
- Balasubramani K., Sekar L.G., Kanagarajan A. et al. (2021). Revealing the socio-economic vulnerability and multi-hazard risks at micro-administrative units in the coastal plains of Tamil Nadu, India. *Geomatics, Natural Hazards and Risk*, 12(1), 605–630. DOI: 10.1080/19475705.2021.1886183
- Blackwood L., Cutter S.L. (2023). The application of the social vulnerability index (SoVI) for geo-targeting of post-disaster recovery resources. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 92, 103722. DOI: 10.1016/j.ijdr.2023.103722
- Bruneckiene J., Pekarskiene I., Palekiene O., Simanaviciene Z. (2019). An assessment of socio-economic systems' resilience to economic shocks: The case of Lithuanian regions. *Sustainability (Switzerland)*, 11(3), 566. DOI: 10.3390/su11030566
- Buzási A., Jäger B.S., Hortay O. (2022). Mixed approach to assess urban sustainability and resilience – a spatio-temporal perspective. *City and Environment Interactions*, 16, 100088. DOI: 10.1016/j.cacint.2022.100088
- Cutter S.L., Barnes L., Berry M. et al. (2008). A place-based model for understanding community resilience to natural disasters. *Global Environmental Change*, 18(4), 598–606. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2008.07.013
- Derakhshan S., Emrich C.T., Cutter S.L. (2022). Degree and direction of overlap between social vulnerability and community resilience measurements. *PLoS ONE*, 17(10), e0275975. DOI: 10.1371/journal.pone.0275975
- Dutta S., Chatterjee S. (2022). Assessment of socio-economic vulnerability in a forested region: An indicator-based study in Bankura District of West Bengal, India. In: *Geospatial Technology for Environmental Hazards. Advances in Geographic Information Science*. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-75197-5_21
- Emrich C.T. (2005). *Social Vulnerability in US Metropolitan Areas: Improvements in Hazard Vulnerability Assessment*. University of South Carolina.
- Ikram M., Zhang Q., Sroufe R., Ferasso M. (2020). The social dimensions of corporate sustainability: An integrative framework including COVID-19 insights. *Sustainability (Switzerland)*, 12(20), 1–29, 8747. DOI: 10.3390/su12208747
- Johns R.A., Dixon B., Pontes R. (2020). Tale of two neighbourhoods: Biophysical and socio-economic vulnerability to climate change in Pinellas County, Florida. *Local Environment*, 25(9), 697–724. DOI: 10.1080/13549839.2020.1825356
- Kandari P., Bahuguna U., Salgotra A.K. (2021). Socio-economic and demographic determinants of financial inclusion in underdeveloped regions: A case study in India. *Journal of Asian Finance, Economics and Business*, 8(3), 1045–1052. DOI: 10.13106/jafeb.2021.vol8.no3.1045
- Kelly M.P., Adger N.W. (2000). Theory and practice in assessing vulnerability to climate change and facilitating adaptation. *Climate Change*, 47(4), 325–352.
- Kireyeva A.A., Nurlanova N.K., Kredina A.A. (2022). Assessment of the socio-economic performance of vulnerable and depressed territories in Kazakhstan. *R-Economy*, 8(1), 21–31. DOI: 10.15826/recon.2022.8.1.002
- Mandal K., Dey P. (2022). Coastal vulnerability analysis and RIDIT scoring of socio-economic vulnerability indicators – a case of Jagatsinghpur, Odisha. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 79, 103143. DOI: 10.1016/j.ijdr.2022.103143
- Marsden T. (2009). Mobilities, vulnerabilities and sustainabilities: Exploring pathways from denial to sustainable rural development. *Sociologia Ruralis*, 49(2), 113–131. DOI: 10.1111/j.1467-9523.2009.00479.x

- Niaz M.U. (2022). Socio-economic development and sustainable development goals: A roadmap from vulnerability to sustainability through financial inclusion. *Economic Research-Ekonomska Istrazivanja*, 35(1), 3243–3275. DOI: 10.1080/1331677X.2021.1989319
- Ravichandran V., Kantamaneni K., Periasamy T. et al. (2022). Monitoring of multi-aspect drought severity and socio-economic status in the semi-arid regions of Eastern Tamil Nadu, India. *Water (Switzerland)*, 14(13), 2049. DOI: 10.3390/w14132049
- Ren C., Zhai G., Zhou S. et al. (2018). A comprehensive assessment and spatial analysis of vulnerability of China's provincial economies. *Sustainability (Switzerland)*, 10(4), 1261. DOI: 10.3390/su10041261
- Rygel L., O'Sullivan D., Yarnal B. (2006). a method for constructing a social vulnerability index: An application to hurricane storm surges in a developed country. *Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change*, 11(3), 741–764. DOI: 10.1007/s11027-006-0265-6
- Spiliotopoulou M., Roseland M. (2020). Urban sustainability: From theory influences to practical agendas. *Sustainability (Switzerland)*, 12(18), 1–19, 7245. DOI: 10.3390/su12187245
- Sun Y., Li Y., Ma R. et al. (2022). Mapping urban socio-economic vulnerability related to heat risk: A grid-based assessment framework by combing the geospatial big Data. *Urban Climate*, 43, 101169. DOI: 10.1016/j.uclim.2022.101169
- Tanir T., Sumi S.J., Lima A. D. S. et al. (2021). Multi-scale comparison of urban socio-economic vulnerability in the Washington, DC metropolitan region resulting from compound flooding. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 61, 102362. DOI: 10.1016/j.ijdr.2021.102362
- Turner B.L. (2010). Vulnerability and resilience: Coalescing or paralleling approaches for sustainability science? *Global Environmental Change*, 20(4), 570–576. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2010.07.003
- Van Beynen P., Akiwumi F.A., Van Beynen K. (2018). A sustainability index for small island developing states. *International Journal of Sustainable Development and World Ecology*, 25(2), 99–116. DOI: 10.1080/13504509.2017.1317673
- Zeng X., Yu Y., Yang S. et al. (2022). Urban resilience for urban sustainability: Concepts, dimensions, and perspectives. *Sustainability (Switzerland)*, 14(5), 2481. DOI: 10.3390/su14052481

Сведения об авторе

Юлия Михайловна Пасовец – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры, Курский государственный университет (305000, Российская Федерация, г. Курск, ул. Радищева, д. 33; e-mail: yulia_pasovets@mail.ru)

Pasovets Yu.M.

Socio-Economic Vulnerability of Regional Communities: Sociological Interpretation and Assessment

Abstract. The relevance of the study of the socio-economic vulnerability of Russian regions is due to the need to reveal their internal characteristics, indicating unresolved and emerging social problems that weaken the possibilities of regions functioning and productive dynamics. The aim of the work is to clarify the concept of socio-economic vulnerability of the regional community; to define the possibilities of its sociological measurement based on a combination of objective and subjective data; to identify significant characteristics of vulnerability of region socio-economic sphere in contemporary conditions by the example of the regions of the Central Chernozem region. The originality of its formulation and solution is associated with the interpretation of the this phenomenon through the prism of key social problems manifested in objective characteristics and subjective assessments of the population, the promotion of a methodic approach to its sociological diagnosis based on rethinking the heuristic capabilities of the methodic tools of the interregional scientific program, the assessment of important parameters of socio-economic vulnerability of the Central Chernozem regions. The empirical object of research is the Central Chernozem regions of Russia – the Voronezh, Kursk and Lipetsk oblasts. The informational basis of

research is the data of state statistics (Rosstat); the empirical base is the results of representative survey (N=1200 people) based on the typical program and methodic tools “Socio-cultural portrait of the Russian region”. The paper clarifies the concept of socio-economic vulnerability of regional community, understood as its condition due to the internal characteristics of the socio-economic sphere, concentrating social problems of an objective-subjective nature. It defines the possibilities of its diagnosis based on a combination of measuring objective facts and subjective assessments on a number of indicators of the typical methodic. It reveals the key vulnerabilities of the socio-economic sphere of the central chernozem regions in contemporary conditions: the prevalence of poverty and a high degree of socio-economic differentiation of the population in a subjective measurement; the downward short-term dynamics of the material status of a population significant part. The results expand the scientific understanding of the socio-economic vulnerability of regional communities and can be used to define their social problems of objective and subjective nature and to find ways to solve them.

Key words: socio-economic vulnerability, material status, poverty, socio-economic polarization, regional community, Russian society.

Information about the Author

Yuliya M. Pasovets – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, associate professor of department, Kursk State University (33, Radishchev Street, Kursk, 305000, Russian Federation; e-mail: yulia_pasovets@mail.ru)

Статья поступила 17.04.2023.